

Москва

7
2013

Журнал русской культуры

Выходит с марта 1957 г.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Союз писателей России

Российский Фонд Мира

Трудовой коллектив

журнала «Москва»

16+

7
2013

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Константин КАЛЕДИН. <i>Память моя. Стихи</i>	3
Степан ДЕРЕВЯНКО. <i>Маленький мир. Рассказы</i>	8
Павел КОСЯКОВ. <i>Беспечный ветер. Стихи</i>	33
Михаил ПОПОВ. <i>Что скажет рыба? Повесть</i>	37

ПУБЛИЦИСТИКА

Леонид РЕШЕТНИКОВ. <i>Вступление России в великую войну</i>	124
Федор СЕЛЕЗНЕВ. <i>Коммунизм: призрак, забредший с Запада</i>	130
Александр МУЗАФАРОВ. <i>Монархическая государственность</i>	137
Владимир НИКОЛАЕВ. <i>Отречение: хроника предательства</i>	148
Минчо МИНЧЕВ. <i>Логика преемственности в русской истории</i>	156
Сергей КАЗНАЧЕЕВ. <i>Победит ли русский учитель?</i>	160

КУЛЬТУРА

Геннадий СМОЛИН. <i>Гений и злодейство</i>	171
Наталья ПОНОМАРЕВА. <i>«Анна Каренина» и любовная лирика Тютчева</i>	180
<i>Конец света откладывается?</i> Интервью с Натальей НАЗАРОВОЙ	192
<i>Открытие парка Славы в США</i>	194

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Виктория ТОРОПОВА. <i>«Общением с тобою я дорожу...»</i>	196
--	-----

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Владимир СУПРУНЕНКО, Юрий СУПРУНЕНКО. <i>Приобретенное (ремесла, промыслы, занятия)</i>	211
---	-----

МОСКОВСКАЯ ТЕТРАДЬ

Ирина МОНАХОВА. **Родимое гнездо** 224

ДОМАШНЯЯ ЦЕРКОВЬ

Екатерина ПЕЛИХ. **Батюшка Тихон** 228
Архиепископ НИКОН (РОЖДЕСТВЕНСКИЙ). **На память
о светлом торжестве** 235
Валерий СКРИПКО. **Выбранные места... из либеральных
заблуждений** 238

Главный редактор В.В. АРТЕМОВ (495) 691-71-10

Генеральный директор В.В. КОВАЛЕВ (495) 691-83-91

Ответственный секретарь О.И. КИРЕЕНКО (495) 691-83-64

Отдел прозы и поэзии Т.А. НЕРЕТИНА (495) 691-68-01

Отдел культуры О.Ю. ТАРАНЕНКО (495) 691-68-01

Домашняя церковь С.И. НОСЕНКО (495) 691-68-01

Главный бухгалтер Л.Э. БУДНИКОВА (495) 691-83-84

Заведующая редакцией М.В. БИКАШОВА (495) 691-71-10

Корректор О.И. ИВАНОВА

Технический редактор Е.Ю. ЕРОФЕЕВА

Общественный совет:

Архиепископ Костромской и Галичский АЛЕКСИЙ (ФРОЛОВ),
игумен ЕВФИМИЙ (МОИСЕЕВ), П.Н. КРАСНОВ, В.Н. КРУПИН, В.А. КУЛЬЧИЦКИЙ,
П.В. МУЛЬТАТУЛИ, И.И. ПЕРЕВЕРЗИН, В.Г. РАСПУТИН, А.С. САЛУЦКИЙ,
М.Б. СМОЛИН (председатель), архимандрит ТИХОН (ШЕВКУНОВ),
И.Р. ШАФАРЕВИЧ

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Отклоненные рукописи сохраняются в течение года. Рукописи, присланные по электронной почте, не рассматриваются. Материалы принимаются только в распечатанном виде по адресу редакции. Журнал не публикует поэмы, либретто и сценарии.

Подписано в печать 24.06.13. Формат 70x108 1/16. Бумага типографская № 2. Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Заказ 1683.

Свидетельство о регистрации № 554 от 29 декабря 1990 года Министерства печати Российской Федерации

Подписные индексы: 73253 — каталог РОСПЕЧАТЬ, 15612 — «Пресса России», 45211 — каталог «МАП».

Адрес редакции: 119002, Москва, ул. Арбат, д. 20. Телефон +7(495) 691-71-10. Факс +7(495) 691-07-32.

Электронная версия журнала: www.moskvam.ru

e-mail: priem@moskvam.ru

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография» Филиал «Чеховский Печатный Двор», 142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1. Сайт: www.chpd.ru; e-mail: sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87.

ISSN 0131-2332

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

© Журнал «Москва» № 7, 2013

ПАМЯТЬ МОЯ

* * *

Уже прохладен ветер южный,
И все, чего ни тронет взгляд,
Росой осыпанный жемчужной,
Ко мне протягивает сад.

И в час иной, печальный, ранний,
Прозрачным облаком плыви.
Мне праздники воспоминаний
Несчастья былой любви.

Когда, заряженный, как порох,
Я ни на миг не засыпал,
И каждый луч, и каждый шорох
Меня взрывали, как запал.

Но в путь обратный, слава богу,
Меня уже не повернуть.
Ну, кто перебежит дорогу,
Особенно последний путь?

Не твякнет ни одна собака.
Проснулся. Словно по грибы.
Березы дальние из мрака
Встают, как черные столбы.

Константин Константинович Каледин родился в 1940 году в Мурманске. Воспитывался в московском детдоме № 40, откуда был взят в военно-музыкантскую школу. Из Москвы школа с воспитанниками была переведена в Минск. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького.

Автор сборников стихов «Построю дом», «Кольцо перемен», «Семь небес», «Прочнись, любимая», «Сны и тени», «Ты прости меня».

Лауреат премии «Золотое перо Московии».

Член Союза писателей России.

Живет в Москве.

* * *

Обручами мрака обнимая
 Нас, округу, теплые дворы,
 Цепенеет ночь глухонемая,
 Отворяет дальние миры.

И как будто в каменной пещере.
 В глухоте. И не видать ни зги.
 Тишина разламывает череп,
 Прожигает искрами мозги.

Или там, над полем ли, над пушей,
 И не чую — мертвый ли, живой,
 Окруженный бездною гнетущей,
 Я повиснул книзу головой.

То ли ниже небо, то ли выше,
 Ниоткуда глаз не отвести,
 Как немая, рушится на крыши
 Ниагара Млечного Пути.

И пронзают тонкие игольцы
 Эту ночь, как замерший салют.
 И дрожат над нами колокольцы,
 И не слышно, что они поют.

* * *

Ни черных дней, ни долгих лет остуда
 Не гасит глаз.
 Мне образ твой приходит ниоткуда
 В бессонный час.

Твои глаза ко мне плывут, как фрески,
 По всей стене.
 Твой давний вздох колышет занавески
 В моем окне.

А может быть, упала в глаз ресница
 И слезы вон,
 А может, это длится, только длится
 Бессонный сон.

И голос твой, с баюканьем и стоном,
 В той тишине,
 И золотым, и серебристым звоном
 Звучит во мне.
 Звенит.

* * *

Извини меня, ты права.
 То, что мы говорим, — слова.
 То, что мы говорим с тобой,
 Говорил на земле любой.
 И тогда, когда в доме тишь,
 Слышу я, что ты говоришь.

Залегли во мне глубоки
 Коридоры и тайники.
 Может, сам я дознаться рад,
 Где, какой сокровенный клад.
 Ты себя найти не спеши
 В лабиринте моей души.

Не спускайся ко мне на дно —
 Темным оком глядит оно.
 Словно в бочке бульжный гнет,
 Смотрит искоса — не моргнет
 На тебя, на мои стихи,
 На другие мои грехи.

Не печалься ты за меня,
 У меня на груди — броня.
 За броней, что ни год подряд,
 Все тревожней гудит набат —
 Это сердце мое гудит.

...Это память моя глядит.

* * *

Пчела всю жизнь потеет,
 Пчела всю жизнь поет.
 Пчела не растолстеет
 И не разбогатеет.
 И нищенкой умрет.

Поэту козырь выпал —
 Беспечная душа.
 Всю жизнь он горе мыкал,
 Всю жизнь он счастье кликал,
 Все золотом осыпал —
 И умер без гроша.

* * *

Дождит бесконечная хмара
 Сквозь тысячи мелких сит,
 И осень, как после пожара,
 Обугленным садом висит.

Еще ты привычно шагаешь
 По невозвратимой меже
 И горестно вновь понимаешь,
 Что сам уж не вечный уже,

Что близится пропасть разлуки
 И скоро, в бесснежный мороз,
 Протянутся колкие руки
 Недавних и ласковых роз.

В несуетный час новоселья
 Судьбы неземная вода
 Из мира любви и веселья
 Тебя унесет навсегда.

И, как от последней потери,
 Попробуй себя утести,
 Заплачут все птицы и звери
 Твоей одинокой души.

* * *

О чем пекусь? О чем душа горит?
 О чем-то слезы мне скребут в гортани?
 О чем стиха таинственные грани
 Цвета меняют, как александрит?

Костер ли впереди меня, свеча ль?
 Чему душа так неразумно рада,
 Когда любви недолгая отрада
 Разбавит жизни вечную печаль?

Что, может быть, случится невзначай,
 И вместо путевого назиданья
 Судьба с улыбкой скажет — до свиданья!
 В ответ на безнадежное — прощай!

* * *

От брашных дней любви, мирских очарований,
 И дружеских надежд, и веры неземной
 Тепло моей зимы — печаль воспоминаний —
 До самого конца останется со мной.

Там снежные поля с поземкою студеной,
 Где стынет горизонт багряной полосой.
 По рачьим берегам речонки полусонной
 Я истоптал камыш, счастливый и босой.

А звезды к нам свели дрожащие глазищи,
 И по коре ночной стекали, словно сок.

Мы нянчили костер на старом костровище,
И тени наших рук ложились на песок.

Да здравствует пора отваги безрассудной!
И душные стога, и чуткий краснотал.
Я помню все слова, что полночью безлюдной
И ты шептала мне, и я тебе шептал.

Мой Крест

Ни душе, ни сердцу нету мест —
Я намедни потерял свой крест.

Свой нательный, и не от владык,
Просто крест. А я к нему привык.

Столько лет лежал он под ребром
И густел черненым серебром.

Он и темным был: и свят, и чист.
В нем мерцал глазками аметист.

Я молитву поднял к небесам —
Слава богу, что не помер сам.

А сегодня поглядел окрест:
Ну куда он денется, мой Крест.

СТЕПАН ДЕРЕВЯНКО

МАЛЕНЬКИЙ МИР

Степан Павлович Дервянко родился в 1951 году. Вырос на хуторах Средние Челбасы и Мигуты. Окончил факультет журналистики Ростовского университета.

Работал учителем русского языка и литературы, был редактором на радио, делал колхозную газету, строил дома, работая машинистом башенного крана. Работал исполнительным директором Каневской районной ассоциации фермеров.

Печатается в районных газетах, в журнале «Каневчане». Автор сборника новелл и рассказов «Я все помню...», вышедшего к юбилею станции. Фотохудожник, автор трех фотовыставок.

Лауреат Всероссийского журналистского конкурса.

Живет в станции Стародервянковской.

РАССКАЗЫ

Исповедь

Бабушке Гале, женщине рано состарившейся, крупной, угловатой, с волевым характером, стукнуло шестьдесят. Мужу, деду Грише, полной противоположности ее, было столько же. Поженились они в молодости, когда скромный, тихий парень Гриша работал в колхозе после армии скотником. Прожили в браке всю жизнь, вырастили детей, дом построили хороший. Дед Гриша всегда, с семи лет, много курил и с выходом на пенсию стал сильно кашлять и температурить. Пошли по врачам, и выяснилось: рак легких, и оперироваться поздно. Бабушка Галя решила любыми путями спасти мужа: кинулась к ученым докторам, к целителям, в монастырь, где игуменом был монах с греческого Афона, знающий целебную силу трав и народные способы лечения. Монах их принял, дал для лечения травы, намоленные масла и наказал обвенчаться в церкви чужой станицы.

Бабушка Галя ради спасения мужа была готова на все, хотя в венчании пользы никакой не усматривала. «Ни властям, ни судам, да никому, кроме Бога и попа, это венчание не нужно, — думала она. — Ну, Богу, понятно — молитва, попу — деньги за венчание, а нам с дедом что?» Не могла она понять, какая им с дедом польза от венчания. Что им там, на том свете, как венчанным, дадут трескать райские яблочки или что-то в этом роде? Может, и так, только кто это знает? Никто того, что там... не видел, не знает, а ты верь. А разве так, не проверив, поверишь? Проживши среди людей в брехне, обмане и прочем подобном, можно поверить в святые таинства и необходимость венчания? «Ну, ладно, была не была, врачи не могут помочь, травы — тоже, может, хоть Бог поможет», — решила баба Галя.

Сын отвез родителей в указанную монахом церковь. Церковь ре-

монтировалась, и стало понятно, почему их отправили туда венчаться. Заплатили за венчание, простояли службу и пошли на исповедь. Бабушка Галя никогда на исповеди не была, да и в церкви тоже, но врать не привыкла, а тут, перед иконами с суровыми святыми, ей стало вообще не по себе, особенно когда впереди увидела у молодой еще женщины полностью исписанный листок и спросила: «Что это у тебя?» — и та ей ответила: «Грехи мои». Баба Галя оторопела: у такой молодой и уже столько? Потому, когда батюшка накинул ей на голову епитрахиль и спросил, чтоб прервать ее молчание:

— Грешна?

Она ответила:

— Грешна, батюшка, только я грехи свои не писала. Всю жизнь работала как лошадь в колхозе да дома в хозяйстве, детей растила, а в церкву не ходила — некогда было, молитвы не читала, посты не соблюдала, от мужа не гуляла — чего еще говорить?

— Да хватит уж, — остановил ее священник, снял епитрахиль и поглядел на бабу Галю из-под нахмуренных бровей. — И когда ж ты грехи свои отмолишь?

— Не знаю, батюшка. Муж у меня больной, обвенчаться хотим.

— А зачем — знаешь?

— Не знаю. Может, Бог ему поможет.

Священник вздохнул:

— Все вы так: в церковь не хожу, молиться — не молюсь, а как горе — в храм бежите, на Господа уповаете.

— Так не на кого ж больше, батюшка. Никому мы, бедные люди, теперь не нужны.

Священник ничего не ответил, осенил крестным знаменем, покивав в раздумье. Был он осанистый, чернобородый, со строгими и, как показалось бабе Гале, усталыми глазами.

Их обвенчали, а через месяц, в начале зимы, дед Гриша помер. Полгода, почти день в день, баба Галя ходила на могилку мужа и просила Господа упокоить его душу и отпустить ей грех: не жалела она супруга при жизни, заставляла много работать, отдыхать толком не давала, да и ласковой не была — какая ласка от «рабочей скотины»?

Через полгода на душе у бабы Гали полегчало, будто шоры спали с глаз, — она начала интересоваться жизнью собственных детей, внуков, огород привела в порядок, двор и попросила сына свозить ее в ту самую церковь, где венчалась. Она все время помнила строгий взгляд священника из-под нависших бровей и слова: «Когда ж ты грехи свои отмолишь?»

В церкви народу было немного. Она опять простояла службу и пошла исповедоваться. Священник ее вспомнил. И на тот же самый его вопрос она только и смогла ответить: «Грешна», — и залилась слезами. Плакала навзрыд, уткнувшись в большой живот батюшки. От рясы ей пахло потом, борщом и самогонкой, как от рубах покойного мужа, и потому плакалось еще больше — она чувствовала, что исповедует ее обычный, только в рясе мужик, земной и грешный, только ему это по работе положено. Батюшка дал ей выплакаться и сказал:

— Ничего не говори, вижу: отмолила.

Баба Галя подняла глаза на батюшку и не увидела того взгляда, который помнила, — взгляд из-под тех же, навесом, бровей был добрый, сочувственный, и батюшка был не молодым, как тогда показалось, а под ее годы, с наполовину седой бородой и отеками под глазами. «Устает,

наверное. Может, тоже вдовый?» — подумала баба Галя и вдруг, сама не зная почему, спросила:

— Батюшка, вы тилькы ны обижайтэсь, но, може, вам шо постирать?

Батюшка возвел очи к небу и произнес:

— О господи, доисповедовал... Иди уж, сердешная. Прощены твои грехи.

По дороге домой, сидя на заднем сиденье легковушки, баба Галя почувствовала, как какое-то незнакомое приятное тепло возникает у нее в груди и растекается по рукам, ногам — по всему телу. И она заснула. Во сне увидела улыбающегося покойного мужа и услышала его голос, только что он ей сказал — не разобрала, потому что стукнулась головой о подголовник переднего сиденья: сын резко затормозил. Баба Галя прекрестилась, произнесла молитву и успокоилась. Потом до самого дома любовалась весенними полями и думала, что еще посадить на огороде.

В субботу испекла пирог с жерделями и пригласила на вечерок невестку и дочь для женского разговора. Попили чаю, поговорили про детей, хозяйство, огороды, а потом баба Галя заявила:

— Як хочтэ, дивчата, а мужикив своих бэрыжить, шоб потом люды ны казалы, як мини — зайиздыла Грышку. Особенно тэбэ цэ касаеца, Олька, — обратилась она к дочери, — бо ты ж так дурна до роботы, як и я. И ны забувайтэ, шо вы женщины.

«Девчата» заулыбались.

На прощание она добавила:

— Оцэ думала, казать вам, чи ны казать... Скажу. Вы обыдвн замужом уже давно, так, може б, вам повинчаця?

— И на шо, мам? — спросила дочь.

— Чи на шо, чи ны на шо, а шось воно там, — она глянула вверх, — есть. Ну, ладно, потом поймытэ.

Про то, что такое «воно» и «там», баба Галя говорить не стала. А утром взяла с собой младшую внучку-первоклассницу и отправилась в церковь на воскресную службу.

Главные слова «Муму»

В маленькую станичную фирмочку по украшению свадеб «Тили-тесто» всунулся круглый, замызганный тип в грязных галошах, в рваном на колене трико, в расхристанной рубаше, давно небритый и нестриженный. Маленькие глазки из-под выпирающего лба смотрели колюче. Позади него маячило худой тенью существо в сером платочке.

— Я — Мамука, бизнесмен, знаешь меня? — спросил он с ходу симпатичную молодую женщину, хозяйку фирмы.

— Не знаю, но слышала про вас, — ответила тактично женщина и прикрыла ладошкой нос: от Мамуки разило свинарником.

— Так вот, раз слышала... Надумал я сына женить, и мне надо, чтоб ты сделала из шаров на свадьбу главные слова «Муму».

— За ваши деньги, господин бизнесмен, любые слова — хоть молитву.

— Мини ны нада молитву, я ны молюсь, мини нада главни слова «Муму», — перешел на станичный говор Мамука — ему так было привычнее, как ходить в галошах.

Женщина пожала плечами. Какие слова это чудо капитализма имеет в виду? Ну, помнит она с детства рассказ про глухонемого дворника Герасима и его собачонку, от которой барыня-самодурка велела избавиться. Жалостливый рассказ, утопил Герасим свою собачку, но какие слова этот свинячий олигарх считает главными?

— Все же какие слова вы имеете в виду? — спрашивает она Мамуку.

— Ты шо, така молода, грамотна, красыва и главних слов «Муму» ны знаешь? — ехидничает Мамука. — Чи в школи ны вчилась?

— Вчилась, — в тон ему отвечает женщина, — но не знаю. Подскажете, раз такой умный.

Женщина знала, что Мамука до бизнеса был крутой и сидел, а теперь скупает металл, держит на хуторе массу свиней и замордовал ими жену, работников, да, похоже, и себя. Знала она также, что Мамука — редкая скотина и с ним лучше не связываться.

— Ну так шо, молода-красыва, зробиш мини главни слова? — после паузы, поразглядывав полки с товаром и захохотав от свадебного прикола — мужских трусов с пришитой к сатину пластмассовой голой задницей, снова обратился к женщине Мамука.

— Скажите какие, сделаю.

— Ну ты тупа! Главних слов «Муму» ны знаешь!

Мамука аж рожу скривил в презрении.

— А ты дюже гострый! — опять в тон ему ответила женщина, она привыкла давать сдачи. — И за оскорбление ваш заказ я принимать отказы-ваюсь. Отправляйтесь в соседнюю станицу.

В соседней станице была подобная «тесту» фирма, и женщина решила подкузьмить конкурентам.

— Шоб тэбэ пидняло твоимы шарикамы, та-й гэгнуло, таку тупу заразу! — пожелал ей Мамука, выкатываясь из фирмочки.

«Тень» в платочке поспешила за ним. Женщина на пожелание не оскорбилась, а рассмеялась, чего от себя не ожидала. Она достала из сумочки сотовый телефон, попикала им и сказала:

— Привет, конкурентка! Там я тебе направила жирный заказ, только не обижайся.

И засмеялась еще раз, представив, как Мамука ввалится в офис конкурентки, бывшей культначальницы, всегда пахнущей французским парфюмом дамы с манерами «непобздиума». Но смеяться женщине пришлось еще раз, когда офрануженная конкурентка ей позвонила и обложила такими солеными матами, от которых небось у самой во рту пересохло.

Через день Мамука заявился снова в «Тили-тесто». Чистый, бритый, даже при галстукке, который на его бычьей шее гляделся ошейником. «Тени» в платочке за ним не было.

— Ось прынис тоби, молода-красыва, извинение, шоб ны обижалась, — и положил на стол перед женщиной пятитысячную. — Прынимаешь извинение, чи, може, мало? — ехидно закончил он, выдержав сердитый взгляд.

— Принимаю, куда ж вас деть, — ответила женщина после короткого раздумья.

— Ху-ух! — вздохнул облегченно Мамука и вытер рукавом пиджака вспотевшую голову. — А то я думав, пошлешь опять до той лахудры. Вона тоди мэнэ такымы матюкамы обклала, яких я и на зони ны чув. Може, вона в закони, а я ны знаю?

Женщина усмехнулась:

— Нет, она просто бывший культработник.

— Оцэ словогры-зка! — пропел Мамука.

— Ладно, давайте работать. Что надо делать? Когда свадьба?

Мамука подошел к окну.

— Дывысь сюда, красыва, бачишь мою лайбу?

Под окном стоял белый, сияющий на октябрьском солнце «мерседес».

— Нова! У тэбэ есть така? — похвастался Мамука.

— Откуда? — ответила женщина. — Мои доходы скромные, скромная и машина.

— Ото ж, а прынимаеш ты Мамуку як старця, шо явивсь до тэбэ на ржавом «москвычи».

— Давайте не отвлекаться, а то опять поругаемся, — остановила его женщина. — Вы хотите украсить машину?

— Да, и так, шоб звэрху золоти кольца, на капоти лебеди и багато роз.

— Сделаем. Когда свадьба?

— В оцю субботу.

Женщина покачала головой:

— Через четыре дня? Надо б пораньше обращаться, теперь у нас получится запарка.

— Мамука понимает, Мамука компенсирует.

— Ладно. Альбом с украшениями будете смотреть?

— На шо? Люды кажуть, шо ты робышь всэ чыкы-чыкы.

— Хорошо, тогда вот вам бланк заказа, садитесь, пишите свои «главные слова».

— А сама шо, напысать ны можеш? Чи так и ны знаеш главних слов «Муму»?

— Знаю, — соврала женщина, — но заказчик вы — пишите.

Мамука сел и старательно, аж высунул язык, накорябал: «Будыш гавкать — утоплю». И даже расписался: «Мамукин Григорий Иванович», — как того требовал бланк.

— Вот и познакомились, а меня Ирина Петровна зовут, — просмотрев бланк, сказала женщина. — А кого ж вы, Григорий Иваныч, берете в невестки?

— Ольгу, дочку Шереметихи.

— Знаю, хорошая девочка. И это вы ей в день свадьбы такое предупреждение делаете? На глазах всей станицы?

— А шо такого? Хай знае мои порядкы, раз до мэнэ в хату йдэ. Я им с сыном дарю джип, готовый бизнес — бойню, за цэ Мамуку можно и потырпить — ны гавкать. Жинка ж тэрпэ, а всэ потому, шо зна главни слова «Муму».

— Но, может, мы помягче слова подберем: свадьба все-таки, праздник?

— Не, тилькы ци, и ны яких других! — Мамука стал категоричен. — Мини пидисят годив, и я знаю, шо цэ главни слова жизни. И гроши платю я, а ты роботы, шо я хочю.

Женщина поняла, что Мамуку ей не уговорить, но и вертеть из шаров обиду, портить девчонке жизнь она не станет. Но коль нельзя заказ изменить, то Мамуку можно обмануть. Первый раз, что ли, ей, бывшей воспитательнице, вразумлять упрямецев? И она договорилась навесить «главные слова» на лицевую сторону дома, когда Мамука будет с молодыми в загсе. Чтобы явились после регистрации и все увидели. Кроме этого, фирма украсит весь двор — свадьба будет на дому.

Мамука был доволен и деньги заплатил наперед.

В день свадьбы Ирину Петровну не покидал мандраж, как будто она собралась идти на «дело» — грабить кассу. С помощницами она надувала компрессором длинные шары-колбасы и вертела из них вокруг проволочных форм разноцветные слова. У всех троих пальцы горели от тугой резины. Женщины спешили.

— Ой, девки, убьет меня Мамука! Спрячусь сегодня от скандала, — сказала со смехом Ирина Петровна, но смех был нервный.

Мамука рулил на разукрашенном «мерседесе», вез из загса молодых. За ним тянулся на два квартала кортеж из иномарок — его дружанов и кентов, сигналы оглушали всю станицу. На повороте главной улицы, где красовался двухэтажный дом Мамуки из желтого глазурованного кирпича с башенками по углам, он увидел очень красивую надпись из шаров: «Дети мои, Гриша и Оля, Мамука любит вас!» — и много разных украшалок на воротах, калитке, заборе. «От сучка! — сказал про себя Мамука в адрес хозяйки фирмочки и аж закрипел зубами. — Ну, пидожды, узнаешь ты Мамуку!»

Кортеж остановился у дома, гости любовались украшением свадьбы, красивой надписью, и первой подошла к Мамуке невестка.

— Спасибо, папочка, за хорошие слова, — сказала она и поцеловала, нагнувшись, Мамуку в щеку. Она была выше его, как и сын, на целую голову.

Гости также жали ему руку, обнимали, поздравляли, хвалили за то, что все так классно оформлено, и Мамука расцвел, сделался важным и говорил:

— Да-да. Вот они, главные слова жизни: «Мамука любит!»

А хозяйка «Тили-теста» закрыла фирмочку на ключ и уехала с дочкой на два дня к матери в соседний район. На всякий случай. Телефон отключила.

Три дня «гудела» свадьба. Мамука гулял всласть. На четвертый день его белая лайба подкатила под окна фирмочки. У Ирины Петровны похолодело в груди. Сбежать было невозможно. Мамука толкнул дверь ногой и вкатился в комнату, в новых галошах и новом трико, с двумя большими пакетами. Улыбка на его физиономии не предвещала скандала.

— Привиз спасиба, хазяйка. Оцэ дви сковороды домашней ковбасы, а оцэ — окорок.

У женщины от неожиданности происходящего пропал голос.

— Чего мовчишь? Ны знаешь, за шо? Скажу: за то, шо обдурыла Мамуку в его пользу, а обдурыть Мамуку позволяеца тилькы так. Дружанам всэ, як ты зробыла, понаравылось. Всэ було чикы-чикы!

Женщина молчала, голоса не было. Мамука поставил пакеты и, выходя из фирмочки, обернулся:

— Мовчишь? Мовчи. Мабуть, в жизни твои главни слова, хазяйка, главниш моих. Шось воно так получаеца, — и он застыл на минуту в раздумье, глядя на одноглазую грозную пиратскую мордуленцию, нарисованную на шаре и чем-то похожую на него.

А у женщины отлегло и появился голос.

— Ничего, Григорий Иваныч. Какие ваши годы! Успеете разобраться, чьи слова главнее. У вас еще дочь на выданье, — произнесла она, покашливая, и по-доброму, тепло улыбнулась Мамуке, отчего у того в глазах, как у охотничьей собаки, взявшей след, загорелись хищные огоньки.

Маленький мир

Мой мир невелик. Отдернутая занавеска освободила часть окна, и я вижу ветки березы и ореха на фоне голубого неба. Сегодня впервые небо голубое, предвесеннее. От него еще не веет теплом, оно в кисейных разводах белых облаков, но ощущение поворота на весну появилось. Это замечаю я, чувствуют воробьи на березе и горлинки на орехе. Горлинки сидят две рядышком, одна в сторонке. Беспарная. Шебуршит клювом под крылышком, чистится. Красоту наводит, а не для кого. Потом улетает, а пара затевает воркотню. При третьем не ворковалось. Совсем как у людей: разве при постороннем любимой заветное скажешь?

Воробьи, эта компания беспокойная, мне надоели. Но куда деваться, сегодня мой мир невелик, и я лежу пластом на диване, с высокой температурой. Поймал где-то ОРВИ — вирусную пакость, и теперь голос скрипит, как ржавая дверная петля, глотать неумоготу — целебный отвар проглатываю будто ерша. И голова моя стала чугунная, не верю сам, что соображает. А сегодня праздник, День защитников Отечества. И мне звонит, поздравляет старый друг, но не может понять моих слов и говорит:

— Вася, ты что, в преисподней? Судя по голосу — не в раю.

— Какой там рай, — гнусавлю я, — кто меня, грешного, туда пустит? Поплутусь в преисподнюю, а там заявят: «Журналוג не берем, напишешь потом, что жарим вас на канцерогенном пальмовом масле вместо положенного подсолнечного, Господь будет недоволен».

В телефоне смех — видно, расшифровал друг мою скрипучую речь, но не уверен и спрашивает:

— Так ты все-таки где?

Теперь я смеюсь:

— Не на небе, на своем диване, постельный «лежим» у меня, остограммиться не могу.

— Тогда я и за тебя! И за себя! И за Отечество! — заявляет друг и желает выздоровления.

Сеть отключается, праздничный перегруз.

А за окном переполох. Серые болтунишки полыхнули в разные стороны, и над березой пропланировал кобчик, стрельнув в меня своим всевидящим оком. Стало тихо. Пришла жена. Присела на диван, положила свою руку на мою. «Твоя рука в моей руке...» сорок лет. Сидит смотрит на меня, я на нее. И тепло глазам.

— Чего-нибудь хочешь? — спрашивает.

— Грешного или праведного?

— Болтун и греховодник! — и убирает руку.

— Бинокль принеси и чаю.

Приносит, трогает мой лоб, сокрушается:

— Мерял?

— Тридцать восемь и пять.

— Тогда терпи, защитник.

А за окном у меня гостья, и бинокль не нужен. Синичка-пищуха, что гнездится в трубе виноградника. Устроилась на веточке, разглядывает меня.

«Пи-пи», — здоровается.

— Здравствуй, малява, — отвечаю.

«Пи-пи...»

— Да, скоро весна, небушко голубое, потеплеет — гнездышко будешь вить.

«Пи-пи, пи-пи!» — тревожно сообщает и вниз головку клонит — показывает.

— Что, опять кот Лаврентий, разбойничья морда, на дереве? Ах он негодник! Ах подлец! Настоящий Берия! Но он тебя не достанет, не бойся.

«Пи-пи, пи-пи!»

— Все равно страшно, знаю. Но что поделать, сущность у него такая, бандитская, не зря его покойный дедушка Коля так назвал. Из-за настоящего Берии дедушка всю молодость в Колымском ГУЛАГе провел. Но ты не бойсь, пичуга, Лаврентий за воробьями лез, а теперь сам оказался нарушителем — не прошел таможенный досмотр у Пыжика и Пистона, моих охотников, они наверняка под деревом.

«Пи-пи!»

— Там, я понял. И теперь Лаврику надо думать не о тебе, а как бы слезть и трепки избежать. Был бы с воробьем, откупился бы, спаниель Пистон отнял бы и хозяину принес, но добычи нет. Да и Пыжик там. Этот с ментовской натурой: и подачку заберет, и трепку задаст. Так что, малява, врагу твоему не повезло.

«Пи-пи, пи-пи...» — до свидания, дескать. Помахала мне крылышками и полетела за угол дома, где по ее трубе завилась виноградная лоза. Скоро пищухе забот будет море.

А я закрываю глаза — температура меня гасит. А когда открываю, вижу, как из-за занавески к вершине березы потянул по голубому полю две дымные борозды серебристый «боинг». Это значит, скоро вечер, и самолет летит с запада на восток по небесной дороге над станицей. Летит из Берлина, Парижа, Лондона в Индию, Пакистан, Иран, может, даже в Австралию. Сейчас появятся встречные. Ага, так и есть, дымят вдвоем на Европу через мое окно. Так мне видится, ибо на большой мир мызираем из малого. Наш мирок своего рода линза преломления, и она позволяет лучше видеть и понимать мир большой, великое небесное и земное пространство. И дорожить им, как Родиной, защищая которую каждый думает о своем малом мире, своей малой родине, которую, в отличие от великой, легко вспомнить, представить. Я прочел у Экзюпери, что смысл жизни людей зависит от того, где они живут. «Дорога, ячменное поле, склон холма говорят по-разному с чужаком и с тем, кто среди них родился. Привычный взгляд не дивится выхваченным частностям, он не видит в них ничего особенного. Знакомое с детства живет не в глазах, а в сердце». Так что выпей, мой старый друг, и за меня, и за себя, и за Отечество — за все, что живет в нашем сердце.

А с первыми отблесками вечерней зари в мой маленький мир вернулись горлинки. Не три, а уже четыре, и устроились парами на ночлег у старого голубиного гнезда на орехе, от которого осталось за зиму несколько палочек.

Слетелись на березу воробьи и, коротко посоветовавшись, попрятались ночевать по своим пролазам под шиферной крышей. Пищуха не явилась; где она видит сны — для меня тайна.

Коту Лаврентию надоело сидеть птичкой на березе, и еще до возвращения воробьев он, уловив момент, сиганул через собак в снег, пулей пронесся по двору и теперь из-за забора ухмыляется Пыжику и Пистону. Но они ему это припомнят!

А за окном темнеет. Приходит жена, трогает мой лоб:

— Горишь?

— Вроде меньше.

— Пойдем ужинать.

И задерживает занавеску. Она не знает, что закрыла от меня мой маленький мир.

Марфута

Вот так бывает: прожил человек на белом свете, протрудился, пятерых детей вырастил, в рабстве немецком в войну побывал, а помер — даже фотографии путяшной не осталось. А те, что по случаю делались, прошли уже через руки правнуков, с которых нет спросу... Даже на могильном камне Марфуту толком не узнать — перестарались кладбищенские мази-лы.

* * *

...Давно это было, тридцать лет назад, когда дети ходили по земле на наших с женой руках. Тогда мы в весеннюю распутицу перебрались в купленную в станице хату, чтобы начать жить на новом месте. Распихали по углам свои небогатые пожитки, печь протопили дровами, собрал я брошенную прежней хозяйкой старую газовую плитку, а баллона с газом у нас нет, и разрешение его купить нам дадут, когда мы пройдем обучение в райгазе. Но это аж через месяц. Электроплиткой мы, молодые учителя, тоже не обзавелись, купить ее нереально — дефицит. На чем же еду готовить? Не топить же ради этого каждый день печь — тепло вон с каждым днем прибывает. В общем, жена в печали. И тут слышим под окнами:

— Эй, молодежь, хозяева!

Выглянули. Стоит женщина, в фуфайке, клетчатом платке, нос — картошкой, улыбается, сзади держит тачку с газовым баллоном. Мы вышли.

— Газу вам привезла. Знаю, у вас нет, и детки у вас малые. Супчик варить будете.

— Спасибо вам огромное, только мы даже не знаем, когда отдадим. И кому отдавать-то? — сказала жена.

— Я соседка ваша дальняя — Марфута, а напротив вас живет сестра моя, Мотя. Я хожу к ней. А баллон отдадите, когда сможете. Нам не к спеху, мы тут давно живем.

Баллон я установил, собранная плитка-старушка пыхнула голубым огоньком, жена повеселела, и так с доброго поступка Марфы Павловны началась наша жизнь на новом месте.

Как-то незаметно мы, разные по возрасту люди, подружились, и в первую свою поездку с детьми на море хату и хозяйство — цыпят, утят — оставили на догляд бабе Марфе и ее веселому, работающему, любящему выпить деду Алешке. Без тени сомнения оставляли, настолько добры, просты и чисты сердцем были эти люди. Надо сказать, что и все их дети — три дочери и двое сыновей — унаследовали от родителей человечность и доброту.

Из-за доброго сердца и доверчивости натерпелась в своей жизни Марфута и от чужих, и от своих. Зять по пьяной дури порезал ее ножом — чудом выжила, внук родной бузил по той же причине, матери и бабке было хоть в гроб живьем ложись. Но прощала непутевого, все смогла вытерпеть

и простить Марфута. И к соседу своему ближнему, что через дорогу калитка в калитку, — Гоше, туберкулезному пьянице, баба Марфа подход имела. Одну ее он почитал и слушался после того, как жена его бросила. Уж какие слова-увещевания Марфута для Гоши находила — не знаю, но после них Гоша поутру хоть с оловянными глазами, но плелся на работу в колхоз. И не кто другой, а бабка Марфа уговорила Гошу лечь с туберкулезом в больницу, проводывала его там, гостинцы, одинокому, возила. И вылечили Гошу. Только он на радостях после больницы так «загудел», что среди ночи пошла полымем его хата. И кто б, вы думали, его из огня вытащил? Баба Марфа. Маленькая, худенькая, старенькая... Только Гоша к утру оклемался, а Марфута не смогла — надышалась угара, и не выдержало ее доброе сердце.

Много сменилось людей на моей улице за последние десять лет. Разных людей. Но уже никто никому не крикнет под окнами: «...Газу вам привезла. Знаю, что у вас нет...» Или: «Соседка, забери за калиткой молодую капустинку, подарила тебе на борщ...»

А мы с женой, постаревшие, приходим иногда к памятнику Марфуте с не совсем похожей на нее фотографией и вспоминаем тот баллон, который она притащила нам по мартовской грязи. Но если б дело было только в баллоне... Есть у нас в станице теперь и церковь красивая, батюшка при ней, и главу мы выбрали, радеющего за станицу, но что-то не вижу я таких людей, как Марфута, которые бы в нашем человеческом улье сеяли, как matka дитву, доброту. И ширили, ширили бы территорию добра плотненько, густенько, как та же matka соты в рамке.

...А Гоша, как не стало бабы Марфы, вскорости тоже преставился. Бросил работу и сидел днями под акацией курил. На вопросы проходящих кивал, кашлял и односложно отвечал:

— Ныкому я тэпэр ны нужен...

Тропка

Эта улица широкая. И есть на ней квартал, по которому я люблю ходить. С одной стороны, под заборами, на «моем» квартале, щебеночная просыпка для легковушек, посередине дорога, а с другой ничего, только травка и в ней собачья тропка. По тропке мне и нравится хаживать. Она начинается за двором бывшего колхозного тракториста, который придумал когда-то ограду садка сделать из железных бортов и днищ старых тракторных телег — получилось крепко, но неказисто, и петляет мимо дворов, по-за вишнями, жерделами и грушами до асфальтового перекрестка. По тропке редко кто ходит. Может, из-за того, что шириной она в одну ступню (собачья ж!) и пригибаться надо под ветками, слушать лай всех Жучек и Бобиков и иногда ловить на себе недовольные взгляды хозяев. Я понимаю такие взгляды, они меня не огорчают. На квартале живут в основном люди пожилые, изработавшиеся в той, советской жизни, и им хочется тишины и покоя. Но есть тут и новый житель, у которого карманы полны денег — по дому, по машине видно. Его злит мое появление у его кованого забора.

— Тебе что, ходить негде? Чего ты здесь трешься? — негодует он.

Говор у мужика не кубанский. Питерский или московский — такой какой-то.

— Я в твой двор не иду, а улицу ты еще не купил, господин олигарх, — говорю я.

— Ну и нечего... — матерится он.

— Дядько, ты шо, куркуль? Явивсь в казачю станыцю и казаку ны даешь по улыци йты? А ну, кажы свою фамилию!

Хозяин тарашит на меня глаза и исчезает в доме. Смешно, ей-богу, нужна мне его фамилия... Неужто говорить этому дураку, чего хожу я этой тропкою? Что люблю я под ногами юную травку ласкающую, не задавленные колесами первоцветы — желтоглазики да мать-и-мачеху под старыми, позеленевшими от мха заборами, потрескивание спеющих и раскрывающихся на весеннем солнце шишек на больших соснах во дворах — про это богатею говорить? Не поймет, не из того теста. Или про то, что через дом от него у тропки живет одинокая старая мать Григоровна и днями, в хорошую погоду, она сидит у столика на лавочке под вишней, глядит на улицу и мечтает с кем-нибудь поговорить — облегчить свое одиночество? Кричать, здороваться с тем, кто идет по дороге, ей неудобно — возраст не тот, да и незнакомых сейчас в станице больше, чем знакомых, а до тропки рукой подать и можно спросить, ответить негромко: «Здравствуй, сынок». А потом слово за слово и поговорить. Но со мной у Григоровны особый расклад — я товарищ ее покойного, сложившего голову в Афгане сына. И она меня спрашивает:

— В центер, сынок?

— В центр, Григоровна.

— За хлибом, чи чимсь?

— Та за всим зразу.

— Купы бублычкив з маком, а я самовар поставлю, на обратной пути почаевничаем.

— Добре, Григоровна, ставтэ свого пузатого «генерала».

Старушка любит слобу с маком, и самовар у нее медный, пузатый, в медалях, доставшийся ей от бабушки, и его она за пузатость и обилие наград называет генералом. Григоровна маленькая, худенькая, подвижная, можно сказать даже, быстрая старушка, хотя ей за восемьдесят. И растопить «пузача» для нее труда не составляет. Для розжига у нее всегда припасены сухая кукурузная кочерыжка, еловые и сосновые шишки, которые она собирает у соседей и в станичном парке. И пока я схожу в центр и вернусь, самовар будет попыхивать трубой, как старый, важный казачина люлькой, а в блюдечке будет отливать золотом жерделовое варенье. Но бубличков сегодня не напекли, зато девчата из пекарни наvertsели, не жалея мака, булочек, и Верочка, продавщица, подает их мне и так улыбается, будто хочет сказать три самых заветных слова: «Я вас люблю...» Верочку я хотел бы видеть каждый день — такая у нее славная, ласковая улыбка. Есть же такие женщины!

Но надо идти назад, Григоровна ждет, «генерал» наверняка пыхтит. И я спешу и опять ступаю с серого, безликого асфальта на нежную апрельскую травку собачьей тропки, и мне хочется снять туфли и брести босиком. Ведь человек создан Господом и рожден, чтобы босыми ногами ходить по земле, любить и беречь ее, свою неповторимую планету.

Григоровна уже выглядывает меня.

— Ну шо, сынок, напик бублычкив?

— Напик, тилькы получились булочки.

— З маком?

— И з маком, и з таким.

И мы пьем чаек с дымком, да со слезой от воспоминаний старой матери под вишней, одевшей белую фату. Я слушаю, киваю, изредка что-то говорю. Понимаю, старушке надо наговориться. Одиночество в старости хуже болезней.

Но всего «генерала» нам не одолеть и всех слов не сказать, и побреду я тропкой к своему дому, а Григоровна помашет мне от калитки рукой и покрестит. Она теперь будет ждать в гости на майские праздники из города дочь, которая навещает мать два раза в год. Бреду, пригибаюсь под цветущими ветками, питерца-москвича не вижу что-то, да и слава богу, собачки салютуют мне дружным лаем, и хорошо на душе от весны, тепла, от этой собачьей тропки — лишь бы она, как жизнь, не кончалась.

Учительница из дальнего села

Ее обокрали, и у нее не было настроения. Ни говорить, ни фотографироваться. Украла всю выручку вместе с плащом. Плащ был старенький, вытертый, в нем она ходила в школу еще до пенсии, когда работала учительницей. Он и доброго слова не стоил, но по утрам, когда прохладно, ее согревал. Да и привычен был, ведь мы привыкаем к своим старым вещам, как и они прирастают к нам. Карман в том плащике был удобный, в него она деньги прятала. Присмотрели, собачьи души. Как пригрело, она положила плащ с краю на стульчик, чтоб вид товара не портил. И пока кому-то корзинку показывала, плащ исчез.

Что теперь дома говорить сыновьям? Ведь все эти корзины она с ними плела. Но сначала лозу рубила, потом лозу варила, после лозу желтила, а перед плетением парила, чтоб прутья хорошо гнулись. И пальцы у нее от такой работы сухие, как сама лоза, а суставы с полиартритными утолщениями — трудное дело корзины. И берут их не шибко, хотя товар ее экологически чистый, долговечный и корзины сделаны на всякую потребу: для белья, для снеди, для хождения на рынок, для косметики и всякой мелочевки девочкам. И недорого просит, а большую бельевую готова отдать чуть ли не задаром — одна осталась, и никто ее не покупает.

Люди, люди... Огорожанились, отвыкли от природных вещей, используют везде пластик, даже для еды и питья, хотя знают — это вредно. Но кто сейчас думает о здоровье, о долгой жизни? За всех думает реклама, а на долгую жизнь никто не рассчитывает — день до вечера, и ладно. Поэтому купит корзинку какая-нибудь заезжая дама из старых модниц или водитель — жене в подарок.

Словом, не бойкая торговля в этой приморской станице — откуда быть настроению? Да еще плащ украла... Сыновья, конечно, поймут, но ей-то не легче.

Почти сорок лет она была сельской учительницей, учила детей добру, учила быть честными и справедливыми, они слушали и понимали свою Юлию Юрьевну, правда, вырастая, становились разными людьми. Но так и полагается в жизни. Однако никто не сел в тюрьму, грабителем не стал, все трудом на жизнь зарабатывают, и обокрал ее, конечно, чей-то ученик. Ох-ох-ох... Не будет сегодня торговли, нейдет из головы плащ...

— А из чего у вас сделана эта беленькая кошелочка? Это ж не лоза? — спрашивает мужчина с фотоаппаратом.

— Из кукурузы, — отвечает Юлия Юрьевна.